

ПЕРМСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Ф. М. РЕШЕТНИКОВА

Сообщение И. Векслера

19 июня 1861 г., в звании канцелярского служителя 3 разряда Екатеринбургского уездного суда, Ф. М. Решетников был перемещен, по своему ходатайству, в Пермскую казенную палату. Решетникову было 20 лет; за два года перед тем он окончил Пермское уездное училище и, переехав к своим воспитателям в Екатеринбург, поступил на службу в уездный суд. Здесь, в Екатеринбурге, начаты были первые его творческие опыты. Г. И. Успенский, имевший в своем распоряжении первую, не дошедшую до нас, часть «Дневника» Решетникова, устанавливает, что в Екатеринбурге им были написаны — в 1860—1861 гг. — поэма «Приговор», драма «Панич» и комедии «Черное озеро» и «Деловые люди»¹. Сочинительство стало страстью юноши; эта страсть и явилась причиной к переходу на службу в Пермь: здесь он рассчитывал на свободу от опеки воспитателей, неодобрительно относившихся к его писательству, на консультацию знающих людей, на опубликование своих сочинений. Для переезда в Пермь Решетникову пришлось преодолеть немало трудностей.

Все же цель была достигнута. «Поздравляю тебя с переменою службы, — писал Решетникову его воспитатель 23 июня: — как ты желал чего, то исполнилось, чтобы тебе служить и жить в Перми. Но, пожалуйста, поэзию свою оставь, она не совсем уместна. И если надо ею заняться, то совершенно основательно и с разбором, каждое слово надо одумавши вставлять, так чтобы беды от него не было»². Последними строками В. В. Решетников напоминал племяннику о его неосмотрительной поступке в Екатеринбурге: оттуда Решетников послал в редакцию «Пермских губернских Ведомостей» упомянутую выше комедию «Черное озеро»; редакция вызвала автора для получения пьесы обратно, и он поручил это дело одному из своих сослуживцев, благодаря чему и авторство Решетникова, и его литературный обличительный опыт получили огласку. Тогда дядя Решетников писал племяннику: «...ты составил программу о Грязном или Черном озере, где ты описал много поступков... начальников, за что тебя даже вызывали, эдакого поэта, в Пермь для получения обратно сочинения через пропечатание в губернских ведомостях... Из этого видно, к чему ведет наша поэзия, как только не к гибели человеческой... Неужели я с тою целью учил тебя, воспитал и определил на службу... чтобы из потомков моих кто-либо сделался клеветником начальников»³.

Уроки и наставления дяди-воспитателя не повлияли на Решетникова, и он тотчас же по определении на службу в казенную палату начинает искать советчиков по литературным своим делам. После неудачных попыток найти компетентных судей в ком-либо из сослуживцев и особенно после отъезда из Перми чиновника некоего И. К. П.—ва, бывшего его учителя, Решетников остановил выбор на председателе палаты — статском советнике А. А. Толмачеве; об этом на первый взгляд странном выборе он и упоминает в публикуемом нами письме: «...плохой удел достался ему в жизни, — пишет Решетников о себе: — ему горько... ему не верят в способности, смеются над ним... если он станет искать в своем

начальнике, потому что к другому ему обратиться не к кому, — помощника, руководителя не по службе... а в своих произведениях... назовут льстецом... пожалуй неподаем и будут смеяться». Строки эти ретроспективно и в обобщающем виде передают обстоятельства обращения Решетникова к Толмачеву. В не дошедшей до нас части «Дневника» писателя сохранился рассказ об этом эпизоде — в августовской записи 1861 г., которую Г. И. Успенский цитировал по подлиннику:

«Каюсь, что отдал ему мое сочинение «Деловые люди»⁴. Цель моя была та, что, во 1-х, он обещался убавить жалованье, во 2-х, он, как умный человек, быть может обратит на меня внимание и подаст благой совет. Поэтому я написал ему письмо, похвалил его за библиотеку, как за благотворительную меру для служащих, выставил свое бедное положение, просил прочитать мои сочинения, из которых одно принес с собой, и, если можно, прибавить мне жалованья... 14 числа я был у председателя и ждал его целых два часа. Он ходил на дворе, играл с собаками и смотрел в амбаре свои вещи, которые он продает, надеясь скоро уехать. Увидав меня, он спросил: что мне нужно? Я подал ему свое письмо. Он прочитал и сказал: «Мне, батюшка, некогда читать, я собираюсь в церковь и вам советую тоже идти. Ступайте», — и он повернул меня. Я повторил ему свою просьбу на словах — «Мне некогда читать, — сказал он опять: — я лучше вам советую заниматься, чем сочинять. Занимались бы больше в палате»⁵.

Все же Толмачев прочел пьесу и, возвращая ее автору, заявил: «Вы какие-то тут кляузы написали... тут какая-то женщина учит мужа... Вам надо выбрать одно из двух: или сочинять, или служить»⁶. Об обстоятельствах возвращения рукописи Решетников записал в «Дневнике»:

«Ужасно тяжело мне было в этот день. Сцена в палате мне и вечером почти не давала покоя. То слышались слова председателя: «кляузы», то недоверчивость служащих... Всё вышло дрянно! Все говорят, что я глупец и больше ничего, но еще хочу выиграть перед начальством... Ах, если бы деньги! бросил бы я эту службу — и все эти связи с служащим миром»⁷.

В приведенных записях из «Дневника» Толмачев рисуется как надменный бюрократ; самолюбие автора, очевидно, немало пострадало от этой встречи. Впоследствии же, как видно из текста публикуемого письма, отношение Решетникова к Толмачеву изменилось, что совершилось, очевидно, не без влияния адресата публикуемого ниже письма, В. А. Трейерова, близкого к Толмачеву. Но выбор Толмачева не был случайным, и обращение Решетникова именно к Толмачеву представляется достаточно обоснованным. Толмачев был известен как организатор библиотеки для чиновников палаты, о чем речь будет ниже; ему приписывает Решетников в своей автобиографической повести «Между людьми» и некоторые другие начинания в заботах о чиновниках палаты и казначейства⁸. Жена председателя палаты — Е. Э. Толмачева — была видной общественной деятельницей в Перми, общалась с кружком Иконникова и Воскресенского, принимала ближайшее участие в движении воскресных школ. Эпизод, известный в истории петербургской журналистики под названием «безобразного поступка «Века», связан с ее именем. В позднейшей зарисовке Решетникова, в повести «Между людьми», Толмачев остался с чертами самодура-бюрократа. Забегая несколько вперед в нашем изложении, отметим, что после ревизии Пермской казенной палаты в 1863 г. и чистки всего губернского аппарата, в связи с делом Иконникова, Толмачев, кажется, вынужден был подать в отставку, и в 1884 г. он умер в Москве в чине действительного статского советника⁹.

Толмачев все же направил Решетникова с его сочинениями к редактору «Пермских губернских Ведомостей» С. С. Пенну; в то же время у Решетникова установились близкие отношения и с адресатом публикуемого письма.

Наши сведения о В. А. Трейерове недостаточно полны. В повести «Между людьми» Трейеров представлен под фамилией Павлова и следующими чертами описан Решетниковым:

«Он был человек неглупый, смыслил кое-что в науках, умел ловко осмеять кого угодно в палате и заинтересовать разговором кого угодно. Заехавши сюда из-за тысячи верст... он скоро попал на должность помощника <столоначальника>. Другую должность, повыше, ему пришлось бы долго ждать, потому что у советников были на примете люди, давно прослужившие в палате. Но вот приехал <новый> председатель, Павлову как-то раз случилось нести к председателю бумаги. Председатель хотел срезать его на словах, но Павлов был не робкий, сам закидал председателя словами и сбивал его фактами. С этих пор председатель так ему доверился, что не мог жить без него и постоянно с ним советовался»¹⁰.

Трейеров был со средним образованием (семинарист), но блестящей карьеры не сделал: в 1863 г. он был копиистом палаты, в 1866 г. ее секретарем, а с 1869 по 1894 год состоял в должности сарапульского уездного казначея. Отношения с Трейеровым Решетников поддерживал и по переселении в Петербург; в его бумагах сохранилось письмо Трейерова из Перми: «Скажу откровенно, — писал он Решетникову, — что с отъездом вашим я лишился человека, вернее друга и помощника во всем. Дай бог найти <вам> в Петербурге людей, так откровенно любящих вас, как я любил и люблю вас... Это не интимное объяснение в любви или лесть, а голая правда, высказанная человеку, от которого я ничего не ищу»¹¹.

Принимал участие в Решетникове и упомянутый выше С. С. Пенн; по его заданию Решетников написал этнографический очерк «Святки в Перми», напечатанный в «Пермских губернских Ведомостях»¹².

Так определился круг знакомств Решетникова в среде пермской интеллигенции.

В начале 60-х годов Пермь представляла весьма оживленный центр. Издавна, наряду с другими северо-восточными городами, служившая местом ссылки неблагонадежных элементов, Пермь в описываемую эпоху была значительным центром революционного движения. Кружок передовой пермской интеллигенции, составившийся отчасти из ссыльных, отчасти из местных деятелей, развил не только легальную просветительную деятельность в форме организации библиотек и воскресных школ, но вел и нелегальную революционно-пропагандистскую работу. В кружок входили, главным образом, преподаватели местной семинарии, как продолжавшие учительствовать, так и выбывшие из семинарии по разным причинам, но остававшиеся в Перми: А. Г. Воскресенский, А. Н. Моригеровский, А. И. Иконников (товарищ Шелова по Казанской духовной академии), А. В. Стефановский (товарищ Антоновича по С.-Петербургской духовной академии), Я. Ф. Попов; в кружок входили Д. Д. Смышляев, Степан Шиловский (ссыльный) и др.; видную роль в нем играл товарищ Добролюбова по Главному педагогическому институту Н. А. Фирсов, уехавший из Перми в конце 1860 г.; к кружку примыкала, в какой-то степени, и Е. Э. Толмачева и некоторые другие представители пермской интеллигенции. Пропагандистская деятельность кружка была обнаружена в начале 1861 г., когда были арестованы некоторые его члены, а также и семинаристы, принимавшие участие в пропагандистской работе кружка и боровшиеся с семинарской рутинной при прямом участии, если не при помощи и не под руководством кружка. Базой кружка была библиотека Иконникова; при библиотеке находилась редакция известного издания Смышляева «Пермский сборник», при ней же была организована и воскресная школа, руководимая Иконниковым и Воскресенским. Провал в 1861 г. не дезорганизовал деятельность кружка: легально продолжали действовать библиотеки, школы; нелегально — распространялись герценовские издания и прокламации; кружок готовился к выпуску брошюры Огарева «Что нужно народу?» и был озабочен приобретением печатного станка. Флигель-адъютант Мезенцов, раскрывавший «корни и нити» революционного движения в Казани, установил связь казанского движения

с Пермью и перенес сюда свою деятельность. Кружок был раскрыт, виднейшие участники его, уцелевшие в 1861 г., были арестованы и высланы; библиотека Иконникова и воскресные школы были закрыты, а скоро началась и упоминавшаяся выше чистка губернского чиновничьего аппарата.

О связях Решетникова с этой группой передовой пермской интеллигенции говорить не приходится. Об этом свидетельствуют прежде всего безучастные строки об аресте Воскресенского в публикуемом письме к Трейерову. Осведомленность его о семинарском движении и о деятельности кружка тоже нам неизвестна. Правда, и в 1861 и в 1862 гг. один из екатеринбургских приятелей Решетникова запрашивал его об этом¹³, — ответ Решетникова неизвестен, и его тогдашнее отношение к «семинарскому бунту» точно установить не представляется возможным. Тем не менее косвенные данные для суждения об этом, кроме заключительных строк публикуемого письма, имеются, — это статья Решетникова «О библиотеке для чтения чиновников Пермской казенной палаты»¹⁴.

В статье Решетников полемизирует с корреспондентом «Века» А. Анастасьевым, в № 25 журнала поместившим обстоятельную корреспонденцию о пермской просветительной работе. Под псевдонимом «Анастасьев» скрывался А. Г. Воскресенский¹⁵.

«Г. Анастасьев, — читаем в статье Решетникова, — в письме своем, помещенном в 25 номере сего года журнала «Век», довольно уже писал о пермских библиотеках. Впрочем, не лишним [будет] заметить, что господин этот, кажется, уж очень опоздал с этим известием, ибо еще в начале 1860 года автор статьи «Несколько слов о проходящем 1859 годе» довольно подробно передал нам понятие о состоянии умственной образованности в Перми. Следовательно, повторять о них еще будет напрасный труд».

Противопоставление корреспонденции Воскресенского — Анастасьева статье «Несколько слов» не случайно. Автор «Нескольких слов» — С. С. Пенн; его обзорная статья, о которой упоминает Решетников, — типичный образчик тех либерально-оптимистических статей, которые любили пародировать Чернышевский и Добролюбов: «...в настоящее время, когда...» «Время наше велит нам стремиться к цивилизации, — восклицал Пенн в ювоей статье, — и для блага и пользы общих приносить посильную дань на алтарь прогресса!». Перечисляя культурные завоевания Перми, редактор губернских «Ведомостей» не забывал отдать должное и «просвещенному, заботливому начальству»¹⁶.

В конце 1860 г. между редакцией губернских «Ведомостей» и кружком Иконникова произошло столкновение. Один из участников литературного вечера, устроенного кружком в пользу сельской публичной библиотеки, И. В. Кротков выступил от имени организаторов с речью, вызвавшей протест кружка: Кротков тоже говорил о заботах просвещенного начальства, но говорил также и о раскольничьем населении, которое предстояло обслуживать библиотеке, о его козности, невежестве и т. д. «Очень естественно, — заявлял Кротков, — что находится очень много людей злонамеренных, которые имеют выгоды к поддержанию этого жалкого нравственного омрачения». Такого выступления группа не ожидала, а когда речь Кроткова была напечатана в губернских «Ведомостях», то протестовала письмом в редакцию, а затем, когда со стороны С. С. Пенна последовал невразумительный ответ, напечатала свой протест в «Московских Ведомостях»¹⁷. Об этом инциденте Анастасьев (Воскресенский) тоже рассказывал на страницах «Века».

Таким образом, группа Иконникова противостояла той части пермской интеллигенции, которая рекрутировалась из умеренно-либеральных чиновничьих кругов. Трейеров, Пенн, очевидно — Толмачев были ее представителями. К ней примыкал и Решетников. В его статье находим не только полемический выпад против Воскресенского (возможно, что он вставлен Трейеровым, либо самим Пенном), но в ней же и палатская библиотека противопоставляется библиотеке

Иконникова и рассыпаны хвалы по адресу Толмачева и даже по адресу министерства финансов, благосклонно поддержавшего инициативу Толмачева о библиотеке. Самый факт организации палатской библиотеки был, в известной мере, средством отвлечения чиновников от библиотеки Иконникова, которая уже в 1861 г. была у губернского начальства на дурном счету.

Только впоследствии, под новыми влияниями «Современника», переосмысляя свои пермские переживания, Решетников в повести «Ставленник» дал иное истолкование и «семинарскому бунту», и связанным с ним событиям, и библиотеке Иконникова—и этому новому истолкованию подчинил и идею своей повести.

Но все же и тогда, в пермский период, как видно из публикуемого письма, в сознании Решетникова плохо уживались представления о палатских «кувшинных рылах» и о таком деле, как библиотека. «Библиотека для них так себе,— пишет он:— потому что они не понимают в ней толку, и можно надеяться, что они сами ее разрушат». Однако, «скорый и немилостивый конец» библиотеке пришел не отсюда. В письме от 25 августа 1863 г. Трейеров писал Решетникову: «Существование библиотеки я постарался так подтормозить, что на постановление всех чинов палаты, написанное мною, председатель¹⁸ не нашелся ничего сказать, и ответ губернатору до сих пор не послан, несмотря на то, что до августа предполагается сделать торжественное открытие публичной библиотеки. Все ждем, что враги наши отмотут по этому случаю небывалую подлость, чтобы только достигнуть своей цели. В Перми самоуправления все средства позволительны».

Строчки эти, очевидно, расшифровываются следующим образом. После ареста и высылки Иконникова, Воскресенского и др. был вообще поставлен вопрос о частных библиотеках. Открывалась общегородская публичная библиотека, под наблюдением властей, и палатская библиотека должна была влиться в нее: в 1863 г. этому детищу чиновничьего либерализма угрожала серьезная опасность.

В публикуемом письме существенное значение имеют строчки Решетникова о его творческой работе в Перми. «Я был в восторге, я рад, что нашел в вас такого человека, какого искал, и скажу вам, вы один несколько поняли меня и отличили от прочих. Отличия мне не нужны, но нужно то, чтобы вы, прочитав что-нибудь, сказали свой суд: самая строгая критика не опечалит меня, а поддержит. Это мне нужно, потому что я еще молод, я чувствую в себе силы, которые, несмотря на службу, становятся лучше. Я ныне, на днях, написал в виде повести и мне она понравилась; прочитал написанное в прошлом месяце, гадко—нужно переделки. Я... пишу быт нашего края, и быть может публика узнает многое о нем, узнает то, чего не знала: в нашем краю много тайн, много...».

Г. И. Успенский приводит следующую запись из «Дневника» Решетникова о его консультации у Трейерова:

«В сочинении «Два барина»¹⁹ Т<рейеров> не нашел ничего хорошего. Разбирая каждое слово, он говорил: «Вот тут нет стиха. Здесь непонятно, нельзя понять, что такое два барина. Да и сочинение написано не стихами, а только под рифму». Одним словом, он выказал много ума. Говорил о Лермонтове, Пушкине... а мое сочинение для печати не годится! О моих драматических сочинениях сказал, что я еще не могу писать драмы, тем более стихами... Советовал на первый раз написать небольшую повесть или рассказ. Из его слов я заметил, что сочинения мои дрянь, одно увлечение без всякой цели... Не бросить ли их? Нет, я буду писать? (Ах, если бы деньги! бросил бы я службу»²⁰.

Других сведений о характере литературных консультаций Трейерова мы не имеем; дошедшая до нас рукопись юношеской повести Решетникова «Скрипач» имеет следы чьего-то критического чтения, но пометки на ее страницах не говорят о сколько-либо значительной компетенции читавшего; трудно судить, принадлежат ли они Трейеру.

Чрезвычайно важно указание цитируемого Успенским отрывка из «Дневника», что Трейеров советовал Решетникову перейти от поэм и драматургических опытов к художественной прозе. Гл. Успенский указывает только одно сочинение в этом роде, написанное в Перми, — повесть из заводской жизни «Скрипач», не попавшее почему-то в руки Глеба Ивановича и не читанное им. Повесть эта была закончена в ноябре 1861 г. (дата в рукописи). В публикуемом письме Решетников указывает на два других своих произведения того времени — одно написанное «в прошлом месяце» (январь—февраль 1861 г.), другое, написанное «на днях», стало быть в марте 1861 г.; писатель определяет и его жанр: «в виде повести».

Есть основание предполагать, что первое произведение было «Раскольник»; и второе — знаменитые впоследствии «Подлиповцы»;

«Раскольник» датируется Г. И. Успенским 1862 годом²¹; переписка Решетникова с его екатеринбургским приятелем И. М. Фотевым уточняет эту дату. В своем письме от 1 января 1862 г. Фотеев сообщает Решетникову сведения, на его запрос, о раскольниковых селениях на берегу Шарташского озера, — сведения очень скудные, вызвавшие замечку Решетникова: «Не много, да что делать станешь! На первый раз достаточно и этого!»²². Все, что мы знаем о драме Решетникова «Раскольник», говорит о связи письма Фотеева с ее замыслом, и, таким образом, драма написана в январе—феврале 1862 г. На первых порах она автора удовлетворяла: «Я знаю... так, по крайней мере, мне кажется, что «Скрипач» и драма «Раскольник» написаны дельно», — записывает он в «Дневнике», но уже в марте, как видим, оценка другая; в конце года Решетников все же рискнул и «Скрипача», и «Раскольника» отправить в редакцию «Времени».

Выбор Решетниковым именно этого журнала для печатания своих произведений вряд ли объясняется особыми, идеологического порядка соображениями автора: во второй половине 1862 г. «Современник» и «Русское Слово» не выходили; знаменательно, однако, что Решетников не адресовался ни в «Библиотеку для Чтения», ни в «Отечественные Записки».

Законченным в марте 1862 г. сочинением «в роде повести» мы считаем «Подлиповцев». Показания различных источников о времени написания «Подлиповцев» противоречивы. Гл. И. Успенский указывает, что «Подлиповцы» написаны в Петербурге; близко знавший писателя его земляк Н. Н. Новокрещенных говорит, что «Подлиповцы» были известны еще в Перми²³. Публикуемое здесь письмо, в приведенных выше строках, дает основание предполагать, что прав Новокрещенных; строчки об уральских «тайнах» перекликаются с следующей записью Решетникова в недошедшей до нас части «Дневника», цитируемой Успенским и относящейся к февралю 1862 г. «Наш край обилен характерами, у нас каждый, кажется, живет в особицу, — чиновник, купец, горнорабочий, крестьянин... А сколько тайн из жизни бурлаков неизвестно миру. Отчего это до сих пор никто не описал их»²⁴... Бурлацкие «тайны» и раскрывал Решетников в написанном в марте произведении: «Подлиповцы» очень близки, в первоначальном тексте («Современник» 1864 г.), к ранним произведениям Решетникова, в частности — к повести «Скрипач», интересом автора к «страшным» сюжетам, в данном случае к «обмираниям» (летаргическим снам); по первопечатной редакции Апроська очунулась в мопеле, в одном пробу со страшной матерью Сысойки. Пила и Сысойка вырыли ее и, испуганные ее страшным видом, бросили в яму и вновь зарыли. И стилистически «Подлиповцы» близки к «Скрипачу» и «Раскольнику» — подчеркнутой этнографичностью повествования и языком автора и его персонажей.

Кроме «Подлиповцев», к числу произведений, написанных в Перми, следует отнести «Николу Знаменского». Об этом рассказе не упоминается в очерке Успенского; сам же Решетников, в письме к Некрасову, писал: «рассказ «Никола Знаменский» есть первая попытка писать в прозе». Сомневаться в справедливости отнесения очерка к пермскому периоду нет оснований. «Никола Знаменский» бли-

зок к «Подлиповцам»: те же коми-пермяки в качестве персонажей, та же тема о русском попе (предшественнике Николы), одичавшем среди своей паствы, та же драма столкновения первобытного человека с «цивилизацией», которую несли в пермяцкую землю агенты колониальной политики царизма.

В 1863 г. Решетников уезжал из Перми в Петербург — все с той же жадной учиться, писать и печататься. Из Перми он вывез не только богатый опыт творческой работы, но и ряд произведений; в их числе были и «Подлиповцы», возможно, не вполне законченные, но уже определившие основную идейную и художественную установку автора. Но практически политическая ориентировка автора была весьма невысокого уровня: общение с умеренными кругами в Перми, надо думать, предопределило и то обстоятельство, что Решетников в Петербурге нашел подходящее место, а пришел к нему через редакцию «Насекомой» («Северной Пчелы»), побывав в руках такого представителя «парикмахерской» цивилизации, как П. С. Усов. Впрочем, не один Решетников шел таким извилистым путем к «своему месту»: по чужим и чуждым изданиям путались на первых порах и Минзев, и Левитов, и Наумов, и Вовчок, и Г. Успенский, и ряд других писателей, представителей демократической литературы 60-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Глеб Успенский, Федор Михайлович Решетников (биографический очерк). Сочинения Глеба Успенского, т. III, СПб, 1891, стр. 305—308.

² Цитируется по автографу.—Рукописное отделение Ленинградской Государственной Публичной Библиотеки; бумаги Ф. М. Решетникова.—В дальнейших ссылках сокращено: ЛГПБ.

³ Там же, письмо от 17 мая 1861 г.

⁴ В 1887 г. опубликовано в измененном виде под заглавием «В омуте», «Русское Богатство» 1887, кн. У—VI. Пьесы—единственное дошедшее до нас екатеринбургское сочинение Решетникова.

⁵ Глеб Успенский, названное сочинение, стр. 321—322.

⁶ Там же, стр. 332.

⁷ Там же, стр. 323.

⁸ Сочинения Ф. Решетникова, СПб, 1869, т. I, стр. 163 и след.

⁹ «Московский Некрополь», т. III, стр. 209.

¹⁰ Названное издание сочинений Решетникова, стр. 165.

¹¹ Письмо от 25 августа 1863 г. Цитируется по автографу, ЛГПБ.

¹² «Пермские губернские Ведомости» 1862, №№ 3 и 4.

¹³ «Напиши мне пожалуйста, чем дело в семинарии кончилось по бунту? Здесь носят слухи не хорошие, а верно ничего не можем добиться. Я думаю, тебе все известно, что там делается. Говорят преосвященного Несфита уволили на покой по этому случаю. Другие толкуют — ректора семинарии сослали куда-то. Уведомь меня, повернее». (Письмо К. Н. Некумисова от 3 апреля 1862 г. Цитируется по автографу Инстит. Литер. АН СССР, архив Ф. М. Решетникова).

¹⁴ «Пермские губернские Ведомости» 1861, № 52.

¹⁵ «Безобразный поступок «Века» (фельетон П. И. Вейнберга в № 8 «Века» за тот же 1861 г.), задевавший Е. Ю. Толмачеву, очевидно, пермский кружок не воспринял так, как М. И. Михайлов, а за ним и многие газеты и журналы: корреспондентки Воскресенского начали появляться в № 12 «Века». Следует отметить, что и Добролюбов не придавал этому событию особого значения, поставив его в одном ряду («оставил без внимания») с юбилеем князя Вяземского и протестом московских профессоров против Асковского (Соч. Добролюбова под ред. Лемке, СПб, 1911, т. IV, стр. 920). Очевидно, радикализм «статской советницы» не внушал особого доверия кружку, хотя она принимала участие не только в вечерах кружка, но и в его полемических выступлениях (см. ниже).

¹⁶ «Пермские губернские Ведомости» 1860, №№ 1 и 2.

¹⁷ «Московские Ведомости» от 22 января 1861 г., № 18.

¹⁸ Очевидно, преемник Толмачева.

¹⁹ «Сочинение» до нас не дошло, и никаких сведений о нем не сохранилось.

²⁰ Глеб Успенский, названное сочинение, стр. 326.

²¹ Гл. Успенский, Комментарии к драме «Раскольник». — «Невский альманах». П., 1917, стр. 85.

²² Автограф Инст. Литер. АН СССР, архив Решетникова.

²³ Н. Новокрещенных, Воспоминания о Ф. М. Решетникове, — «Екатеринбургская Неделя» 1891, № 11.

²⁴ Глеб Успенский, названное сочинение, стр. 328.

1. Ф. М. РЕШЕТНИКОВ — В. А. ТРЕЙЕРОВУ¹

Г. Пермь

26 марта 1862 года

Василий Анфиногенович!

Извините — я пишу вам без титула. Мне бы, бог знает, как хотелось вам придать какой-нибудь титул, да и как подумаю: какой лучше и приличнее избрать, да и как он покажется вам. Назвать милостивый государь, мне почему-то не хочется. Не хочется потому, что это очень просто; мне кажется, он мал. Я хотел назвать вас другом и чуть не написал, но если это покажется вам очень фамильярным, смелым, потому что я.. я ведь человек маленький в нашем обществе бумажного царства Палаты? Хоть и правда то, что мы более канцелярские машины по нашей работе, чем деловые люди, а любим считать себя перед другими бог знает какими, мы ставим себя высоко над другими. Это, конечно, до вас не относится: каждое слово нельзя принимать близко к сердцу, к себе. А только, извините, мне хотелось назвать вас другом. Почему? Вы как-то раз назвали меня самолюбивым человеком и при этом я заметил на вашем лице какую-то насмешку. Это запало в мое сердце, как западает каждое слово и то, что можно понять на лице человека. Мне стало горько — не то, чтобы обидно — и я долго думал и удивлялся, — неужели я самолюбив! Из всех заключений я вывел то, что вы не поняли меня, да и вам не понять меня. Я это хотел сказать вам: но право я говорю как-то несвязно, робею, я молчалив, а могу только писать, — да и то так себе.

Человек бедный, ничто незначущий в сравнении с другими, какой-нибудь канцелярист — попросту машина, способная, на вид, переписывать бумаги, которую употребляют в дело, когда требуется чистота, скорость, что называется трудом, человек с страстию писать, бедный и плохой человек. Трудно ему жить на свете; плохой удел достался ему в жизни; ему горько: он один, его никто не видит, не слышит; знакомиться с ним человеку, довольно-мужизнию, как-то неловко; ему не верят в способности, смеются над ним и если он станет искать в своем начальнике, потому что к другому [кроме] ему обратиться не к кому, помощника, руководителя не по службе, потому что служба для него ничто не значит, а в своих произведениях. И что же? Его не поймут. Подумают, что он выписал <?>; назовут льстецом, пошлым человеком, самолюбом, пожалуй негодяем и будут смеяться. Я право завидую тем чиновникам, писцам, которые умирают писцами: хотя они и жили едва-едва перебиваясь средствами, плутовали, копили кой-какие рубли, не чисто нажитые, с каждым днем подавляли свою совесть всякою неправдою, но они прожили безмятежнее свои дни, не тревожимые мыслями, чувствами, фантазиями. Для них есть идея жизни: спать, писать на службе и есть, пожалуй, любить, любить без сознания по скотски, хотя и жить с женами. Я ненавижу этих людей, но завидую им, потому что они не тревожились тем, чтобы писать что-нибудь; они не тревожились мыслию, что написав что-нибудь, еще много осталось работы, заботы и горя.

Вы может быть смеетесь надо мной, называете меня, как Зорина, пошлым, глупым. Как хотите — я не сержусь. Я вам говорю то, что чувствую, понимаю, и говорю вам больше потому, что я вам могу говорить много, если не все. Вы мне ближе всех кажетесь; я вас отличил от всех прочих и полюбил вас. Это не лесть, которую я терпеть не могу, а правда, которую я не скрою от вас и которую не скажу никому. — В детстве я был отъявленный шалун, лентяй и подвергся жестокому горю, несчастию, продолжавшемуся 2 года, лишившему меня всех радостей. По воле провидения я выплелся из беды, стал понимать себя². Любимым занятием моим было то, чтобы заниматься чтением и писать что-нибудь. Я писал всякую дрянь, что-то духов-

ное, марал листы, и спасибо догадливости моих родственников, которые рвали и бросали в печь то, что я читал и писал, от прежних сочинений не осталось ничего. Служа 2 года в Екатеринбургском уезде суде, я находил время писать. Я писал где-нибудь в углу или лежа, чтобы не видали родственники, и в две недели оканчивалось задуманное. Читать мне дозволялось, но писать нет, а это была главная моя охота: я не мог жить без того, чтобы не писать. Сначала писал сатиры на уездный суд, читал их в суде кому-нибудь; написал комедию на уездный же суд. В суде я не мог служить с такими служащими, которые не могут дня прожить, чтобы не смощенничать, чтобы не сплутовать против закона. Ненавидел поверенных, судью, членов, своих товарищей за их взятки, и надо мной смеялись. Часто я плакал — зачем я втолкнул в эту среду хаоса, дряни и нечисти. Но вот я и в Казенной Палате. Что же в ней? Немного лучше суда. Всё дрянь да и везде в городе дрянь, а чистоты <...> и поняв, что все другие, которые судят вас, говорят с насмешками, эти-то господа завидуют вам и ненавидят вас, хотя и оказывают мое почтение, ласки, дружбы — но это всё притворство. Мне стало вас жаль; но что я могу сделать? И вот решился вам написать письмо, — записку (что писал в ней, я право забыл, как забуду и это письмо, потому что оно пишется прямо набело), и вы изъявили согласие. Я был в восторге, я рад, что нашел в вас такого человека, какого искал, и скажу вам: вы один поняли несколько меня и отличили от прочих. Отличный мне не нужны, но нужно то, чтобы вы, прочитав что-нибудь, сказали свой суд; самая строгая критика не опечалит меня, а поддержит. Это мне нужно потому, что я еще молод, я чувствую в себе силы, которые, несмотря на службу, с каждым днем становятся лучше. Я ныне, на днях, написал в виде повести, и мне она понравилась; прочитал написанное в прошлом месяце — гадко, нужно переделки. Я ведь не читывал риторик и потому развиваюсь, разучивая жизнь с натуры. Я не читал Никитина, Кольцова, Успенского³, Белинского, а пишу быт нашего края, и быть может публика узнает многое о нем, узнает то, чего не знала: в нашем краю много тайн, много... <...> по разнообразию. Чтобы достигнуть того <...> сделался очень нужен совет. Но как <...> <Васи>лий Анфиногенович, за ваше расположение ко мне <...> я не умею благодарить, когда с того лица <...> хотел сказать слова благодарности, но я был <...> благодарил. Надеюсь, вы не откажитесь быть ко <...> оставаясь. Только не мог понять вашу улыбку <...> с презрением... Но нет, вы для меня <...> и каких людей, коих я искал в Екатеринбургском и Пермском мне до них нет дела: им некогда рассматривать <...> Извините, я быть может много написал <...> <тер>пению, зато чего не сказал бы <...> с вами откровенно всё, что у меня на <...> я доскажу.

<...> о председателе. Все рады, что он уехал и <...> они его готовы даже клясти. Такие уж жестокие <...> <...> снова. В Перми мне хотелось найд<ти> <...> неопытности. Мне хотелось пойд<ти> <...> <чи>тавшим мои сочинения, сказать <...> меня. Но чтобы казать с вымыс<лом> <...> не хотелось, я горд на то, чтобы другие <...> избрав из всех наших служащих <...> и умный, может и рассудить да <...> да глуп все-таки, третий каже<тся> <...> У нас много характеров <...> разве два-три дельных с толком <...> но для своих друзей. Не знаю почему <...> сделали в канцелярии протоколист<ом> <...> о вас других почти всех удивлял <...> какое оказывал председатель <...> вас называли и лакеем и секре<тарем> <...> по вашему лицу я отличил вас <...> вы достойны того, что <...> натуры! Библиотека для них так себе, потому что они не понимают в ней толку, и можно надеяться, что они сами ее разрушат, если не будет в ней самостоятельного человека. В присутствии читают первые номера газет тогда, когда нужно читать их в библиотеке. Их высокородиям никак не хочет-

ся спуститься вниз. Как можно! Там накурено табаком, народ гадкий по их мнениям! Книжки начинают брать не по правилам — по многу или не записав в билет. Не знаю, что будет дальше. Выбор помощника библиотекаря будет 30 марта, и мне, надеюсь, не угодить помощником; да и мука будет, если такой беспорядок усилится. Впрочем Золотовин вооружился против беспорядков и быть может он восстановится, — не знаю! Что ни говорят другие про председателя, как ни ругают его все, а я вижу в нем человека вполне достойного внимания и уважения. В учреждениях его нет худова, всё хорошо и конечно их не было бы, если бы он не был самостоятелен и не умел держать в руках всех. Худова для служащих он не сделал, он их не обижал, а старался делать добро. Конечно, нашему брату, писцам, нельзя сделать того, что бы нам захотелось, и мало ли чего мы хотим. Мне <кажется,> что он очень добр. Если вы увидите его, то передайте мою благодарность за всё, что он сделал в Палате, и мне очень будет жаль, если он не будет в Перми. Кроме меня кажется никто к нему не расположен, даже де Велий⁴: он умеет лстить, ласкать, обещать и никогда не исполнять, если дело не принесет для него пользы. Да! наша библиотека может существовать до тех пор, пока не перестанут курить. Кто идет курить, тот, по примеру других, берет газету или смотрит картинки. Книжки дома редко читают, а читают больше посторонние; людей же, которые бы постоянно следили за литературой, очень мало.

Об вас, Василий Анфиногенович, в библиотеке и в Палате почти все забыли, как скоро забывается всё на свете, и если спрашивают посторонние, то говорят: «а — уехал с председателем» — «Куда?» спрашивают они. «В Петербург». — «Зачем?». «Да ведь надо же кому проводить председателя, — соскучится один-то». И при этом смеются. Некоторые вовсе думают, что вы не приедете в Пермь, а останетесь служить в Москве с председателем. Я знаю вам все это покажется горько, но вы сами просили написать меня обо всем. И потому письмо посылаю по страховой почте. Швыговский⁵ чуть не плясал, когда уехал председатель, и не ходил в Палату. Иван Андреевич⁶ не разделяет ничьих мнений на счет председателя. Он по прежнему сидит в Палате до 5 часов, т. е. до вечера, когда идет обедать, и с 8 до 11 вечером. Это один умнее и добрее всех в Палате людей, ему, как видно, не нравится, что я испр<авляющий> д<олжность> протоколиста.

На Засыпкина и Зорина нельзя полагаться. Они кажется обпили и объели Шалаевского, Шовкунова и Куренбина⁷, и потому они с ними обращаются как угодно; а этим они портят свою честь и долг. Шалаевский наотрез сказал мне, что он вам не должен, так как вы ему сделали мало, да и, говорит, нечего было делать. Засыпкин к Куренбину всё еще не ходил и не просил о дровах. Он теперь в восторге, говорит многим, что всё делает он, тогда как я, мало того, что занимаюсь в Палате до 4½ часу и иногда вечером, ношу писать домой, а он пишет только журналы да исполнения и уходит рано. О Зорине и говорить нечего. Серебренников⁷ льнет ко мне, разделяет со мной мнения, говорит, что пишет и он. Мы с ним станем друзьями. В нем мне нравится то, что он хвалит председателя, но прискорбно, что об вас разделяет мнения как и все прочие. Впрочем я постараюсь урезонить его. Он добрый малый и со способностями, только схватывает, что писать, тихо и нечего ему <...> на деле.

Кажется всё. Будет вам читать до субботы. А как поди вы весело проводите время на родине, в кругу родных, в родном местечке, где всё чай те же избушки, так же церковь или новые перемены. Люблю и я родину, свою Пермь, рыболовство, прогулку по Каме, лежать за Камой на траве. Летом я куплю лодку. Приезжайте, будем вместе кататься по реке и пить чай за Камой, пожалуй, рыбачить от заездку. Прекрасно иногда проводить

время на берегу недалеко от воды, ночью, возле разложенного зажженного костра, и говорить с друзьями рыбаками под открытым небом; или в дождь спрятаться под лодку, смеяться над дождем, шутить над чем попало, а утром при восходе солнца плыть с зевотой на заездок или елку, следить за поплавком, подмечать движение его и ссаживать с удочки первую попавшую рыбку... У нас снег тает сильно. Напишите, пожалуйста, мне что-нибудь на это письмо.

Желаю вам здоровья и всего лучшего. Примите мой поклон.

Ваш покорный слуга
Ф. Решетников

Р. С. Прошу вас справиться: куда и кому адресоваться в общество для пособия нуждающихся литераторов⁸. Я хочу послать туда два сочинения. Говорят, что Воскресенского⁹, который читал часто в библиотеке, арестовали, и он сидит в полиции. За что — не знаю. Вероятно по делу о семинаристах.

2. Ф. М. РЕШЕТНИКОВ — Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ¹⁰

Милостивый Государь!

12 июня 1862 года мною послана по почте при письме с 10 коп. сер. посылка с двумя моими сочинениями — «Раскольник» драма в 5 действиях и «Скрипач» очерк из заводской жизни. Письмо и посылка были посланы на ваше имя, в письме я просил вас, между прочим, если сочинения не могут быть отпечатаны, возвратить их мне. Но вот уже прошло полгода, я, не получая ни ответа о моих сочинениях, ни получения их обратно, сомневаюсь, получены ли вами письмо и посылка. А как всякому дорог свой труд, то тем более для меня всего дороже мои сочинения, каковы бы они не были для других, тем более еще и потому, что я не списал с них копии.

Если нельзя будет их отпечатать, то покорнейше прошу вас выслать мне их в Пермь. За пересылку я заплачу тотчас же по получении их назад. Мне, при моей бедности, недорого рубль за то, чтобы только получить их обратно, а не лишиться вовсе. Если же вы почему-нибудь сомневаетесь, что я не заплачу денег за пересылку их, то прикажите написать мне письмо о высылке на пересылку денег.

Я не знаю причины, отчего мои сочинения не могут быть напечатаны.

Помощник библиотекаря чиновников Пермской Казенной палаты
Федор Михайлович Решетников

Пермь

14 января 1863 г.

3. Ф. М. РЕШЕТНИКОВ — К. Н. ПЛОТНИКОВУ

Константин Николаевич!

Если можно, выдайте моей супруге сколько-нибудь денег. Однако вы что-то медлите с книгой?

Моя барыня хочет купить швейную машину и через меня ходатайствует: не поручитесь ли вы магазину — швейному, в том, что она, г. Решетникова, будет уплачивать с рассрочкой помесечно, а когда будут деньги, то и оптом.

Ваш Ф. Решетников

<Пермь>

11 января 1871 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо к Трейеру воспроизводится с подлинника; автограф хранится в Сарапульском (Кировского края) Музее; шифр: инв. музея № 3821. Библи. отд. XI, № 8. Писано на тонкой голубоватой почтовой бумаге, большого формата (27×18 см). Из четырех исписанных с двух сторон п/листов сохранились: первый (кончая словами: подвергся жестокому), верхняя половина второго (лицо — кончая словами: а чистоты, оборот — много тайн, много...) четверть (нижняя, правая) третьего и полностью четвертый со слов: nature! Библиотека для них. Воспроизводится с частичным сохранением орфографии подлинника; неразобранное сопровождается знаком <?>, восстановленное по догадке заключено в ломаные скобки < >; редакционные отточия ... обозначают утраченные части текста; в квадратных скобки [] заключено зачеркнутое автором.

² Решетников в отрочестве, в бытность учеником Пермского уездного училища — предан суду за хищение корреспонденции из Пермской почтовой конторы — писем, газет и журналов. Дело началось 4 апреля 1855 г. Первой судебной инстанцией — общим присутствием Пермского уездного суда и городского магистрата — по делу был вынесен мягкий приговор: «почтапольского сына, не принадлежащего почтовому ведомству Федора Михайлова Решетникова 13½ лет ... подвергнуть исправительному домашнему, по распоряжению воспитателя, взысканию» (постановление от 14 декабря 1855 г.). Вторая инстанция — палата уголовного и гражданского суда и советного суда — не согласилась с этим решением и, установив «обдуманность в действиях Решетникова», обнаружила в них преступление; караемое «лишением всех особенных личных и по происхождению присвоенных прав и преимуществ и ссылкой на житье в Сибирь», но так как Решетникову было в момент совершения преступления 13 лет, то палата постановила: «заключить его, Решетникова, за таковые преступления в монастырь на три месяца, а потом по истечении срока его заключения возвратить его к прежнему роду жизни» (постановление от 30 апреля 1856 г.). Приговор в исполнение приводила Пермская духовная консистория: 10 декабря 1856 г. состоялся указ консистории о назначении Решетникова в Соликамский монастырь; 23 декабря Решетников явился в монастырь, а 2 апреля 1857 г. кончился срок «заключения», и Решетников был возвращен к месту жительства при одобрительном отзыве монастырского начальства. В Соликамске он жил не в монастыре, а в семье своего родственника — брата воспитавшей его М. А. Решетниковой, П. А. Алаалькина — в относительно хороших условиях, поддерживая все время связь с своими воспитателями. Сравнительно благополучное окончание дела Решетникова объясняется прежде всего энергией его воспитателя В. В. Решетникова и его хлопотами и связями в судебных инстанциях, в консистории и в самом монастыре. «Ты знаешь, что я тебя обучил и из известной тебе беды выручил, хотя это и было сопряжено с расходами, но все-таки это «делалось, как мне хотелось» — напоминает В. В. племяннику в 1861 г.*. Тем не менее двухлетнее пребывание под судом сказались на психике юноши-Решетникова; именно этой психической травмой объясняется ужас его перед всяким напоминанием о возможности повторения подобной истории. Его глубоко волновали всякие служебные осложнения; достаточно было его сослуживцу по Екатеринбургскому уездному суду, после перевода его на службу в Пермь, запросить его о каком-то деле, не обнаруженном в числе сданных им, чтобы вызвать прилив непобедимого страха: «... что я скажу (боже мой!) когда я «сдал всё исправно и есть в оном его расписка, — записал он на письме-запросе: — что я могу отвечать правильно, забывши теперь всё. Пожалуй, долго ли, заведут дело! И я, бедный человек, убитый в детстве, опять буду уничтожен, уничтожен клеветанием, обманом, мошенничеством»**. Ни родные, ни знакомые, ни сослуживцы, ни учреждения не скупились на напоминания; в письмах воспитателя Решетникова к нему попрек «делом» занимает всегда видное место. «Вот видишь, я тебя воспитал, — читаем, например, в письме В. В. Решетникова к племяннику от 22 мая 1861 г., — выучил, определил на службу, а всё еще нитко в глаза из начальников не сказал, что ты за то-то был судим, мне такого не надо. Так бы и тебе надо жить помирнее, не заноситься далеко, а постараться бы загладить свою вину, чтобы она не отрыгнула далеко»***. Судимость помешала определению Решетникова в канцелярию пермского губернатора; при определении в Пермскую казенную палату также всплыл вопрос о судимости. От этого кошмара Решетников освободился только с переездом в Петербург, но судимостью прощавали ему угрожать и в Петербурге; очерк Решетникова «С новым годом», напечатанный в начале 1864 г. в «Северной Пчеле», почему-то был болезненно воспринят в Пермской почтовой конторе. В. В. Решетников писал пле-

* Автограф ЛГПБ, бумаги Ф. М. Решетникова.

** Рукописное отделение Пушкинского Дома АН СССР.

*** Там же.

мяннику в Петербург: «Пермский губернский почтмейстер страшно на меня имеет негодование, забирает подробные сведения о твоей отроческой жизни, хочет завести процесс». Рукописное отделение Пушкинского Дома.

³ Речь идет о сочинениях Н. В. Успенского, в то время сотрудника «Современника»; очерки его, помещавшиеся в журнале и в 1861 г. вышедшие отдельным изданием (Рассказы Н. В. Успенского, 2 части, СПб, 1861), вызвали в 1861—1865 гг. оживленную дискуссию в критике: появились статьи и рецензии в «Сыне Отечества» (две статьи), в «Русской Речи», в журнале «Время» (приписывается Достоевскому), в «Отечественных Записках», в «Современнике» (Чернышевского), в «Русском Слове» и др. Решетников, видимо, о дискуссии был осведомлен, поэтому и помещал имя Успенского в один ряд с именами Белинского и Кольцова. В своей статье «Библиотека для Чтения чиновников Пермской казенной палаты» Решетников называет сочинения следующих писателей, имевшиеся в библиотеке: Аксакова, Белинского, Грановского, Григоровича, Гоголя, Гончарова, Майкова, Лермонтова, Марко Вовчка, Мея, Островского, Писемского, Полежаева, Пушкина, Розенгейма, Тургенева, Щербины, — а также журналы и газеты: «С.-Петербургские Ведомости», «Московские Ведомости», «Искра», «Отечественные Записки», «Современник» и пр. («Пермские губернские Ведомости», 1861, № 52). Кроме того, из той же статьи известно, что Решетников тогда уже сам был собирателем книг. Есть основания предполагать, что свою неосведомленность в литературе Решетников здесь несколько преувеличил.

⁴ Де-Веллий Павел Александрович — советник ревизского отделения Пермской казенной палаты, статский советник.

⁵ Швыговский — архивариус Пермской казенной палаты, коллежский секретарь.

⁶ Устинов Иван Андреевич — секретарь Пермской казенной палаты до 1864 г.; надворный советник.

⁷ Засыпкин Зорин, Шалаевский, Шовкунов, Куренбин, Серебренников — мелкие служащие палаты.

⁸ Сведений об обращении Решетникова в 1862 г. в Общество вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым нет.

⁹ Воскресенский Александр Григорьевич (1835—1869) — кандидат Казанской духовной академии, с 1858 г. учитель Пермской духовной семинарии, уволенный в 1861 г. В 1861 г. привлекался по делу о распространении прокламации «Послание старца Кондратия». В 1862 г. служил секретарем Пермского статистического комитета. В 1862 г. был арестован по делу о революционной пропаганде в Пермской и Казанской губерниях. С августа 1862 г. жил под надзором полиции в Петербурге, сотрудничал в столичных и провинциальных изданиях.

¹⁰ Письмо к Ф. М. Достоевскому воспроизводится с подлинника; хранится в Музее Достоевского (Москва). На письме пометки рукою Достоевского (?): сверху — «не будут напечатаны»; внизу — «ответ послан 27 января за № 23». Ответное письмо редакции в архиве Решетникова не сохранилось.

¹¹ Письмо воспроизводится по автографу. К. Н. Плотников — издатель сочинений Решетникова (1869 г.) и его романа «Свой хлеб» в 1871 г.